

АССОРТИМЕНТ «ЧЕТЫРЕХ КОРОЛЕЙ»

ВСЕ БОЛЕЕ УЧАЩАЮТСЯ СЛУЧАИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО АССОРТИМЕНТА. ВМЕСТЕ С СИТЦЕМ ПОКУПАТЕЛЯ ПРИНУЖДАЮТ БРАТЬ СОВЕРШЕННО НЕНУЖНЫЕ ЕМУ НЕХОДОВЫЕ ТОВАРЫ.

Из газет.

Настасья Пицун, жена своего мужа, деповского слесаря Пицуна, мать пятерых маленких и вконец оборвавшихся Пицунов, не вытерпела отсутствия мануфактуры в родном ТПО* и помчалась за ситцем в ближайший городок.

Простояв с рассвета до полудня под многогословной кооперативной вывеской, Настасья все-таки пробралась внутрь магазина.

Спустя некоторое время она вышла оттуда с тремя свертками разной величины. Лицо Настасьи было несколько перекошено, но, пробормотав «Я своим детям мать», она отправилась домой.

— Что ты купила, жена? — угрюмо спросил слесарь. — На то я тяжелым производственным трудом зарабатываю свой разряд, чтобы ты покупала фигли-мигли?

— Я своим детям мать! — отвечала Настасья. — Малолетний сын твой Коля ходит без штанов. А ситцу без этой картины и краски для губ не продают. И всего только три метра продали.

Картину повесили на стену. Не пропадать же картине. За нее деньги уплачены.

Картина называлась «Истома».

Изображала она целующуюся пару. Мужчина был в цилиндре, а дама такого вида, что малолетний сын Коля

долго не мог оторвать от нее глаз и все хихикал.

Сыну Коле Настасья чуть не оборвала уши. Слесарь же думал, думал и наконец разразился:

— Мелкобуржуазная картина! Ну, я не виноват! Выдумали тоже — ассортимент!

Сыну Коле сшили штаны, но прочие Пицуны ходили в прежнем виде.

Посему в следующую получку Настасья накрашила губы (не пропадать же краске! за нее деньги плачены или не плачены?) и снова бросилась в кооператив.

Когда Пицун вернулся с работы, жена сидела у холодной плиты и плакала.

— Обед есть?

— Нету обеда!

Обеда действительно не было.

Вместо обеда на столе лежали роковые метры синего с желтыми горошинками ситца, два фунта обозных гвоздей, флакон духов «Четыре короля» и в толстом переплете «Трехсотлетие дома Романовых».

— Что это такое? — страшным голосом закричал Пицун.

— Дочь твоя Татьяна ходит голая, — сказала Настасья, — а ситцу без «Королей» не дают.

— Готовь обед! — упавшим голосом молвил слесарь.

— А деньги откуда? За ситец взяла рубль двадцать, да за «Королей» — два, да за «Трехсотлетие» — полтора. Я своим детям мать! Сын твой Алексей трех лет от роду, срам какой, голозадный бегаёт.

И запилила.

Случилось так, что заглянул в этот ужасный вечер к Пицуну секретарь месткома. Заглянул и нахмурился.

— Хорошо, — сказал секретарь. — Член профсоюза за страстные картиночки развесил по стенам! «Трехсотлетие дома Романовых» читает? Хорошая книжечка, товарищ Пицун, нечего сказать! Омещанились, гражданин Пицун.

И стали Пицуна трепать. Вызывали и допрашивали, и доискивались, выкинуть хотели из профсоюза вон, и только, принимая во внимание чистосердечное раскаяние да принудительный ассортимент, объявили строжайший выговор. А дивных «кооператоров» стали гнать в три шеи.

А теперь, когда Настасья заводит свое: «Юная дочь твоя Шура без рубашки ходит», слесарь энергично машет руками и кричит:

— А ты что — поцелуйных картин давно не покупала? Пусть ходит! Из «Трехсотлетия» все равно ничего не сошьешь. Не хватает у меня денег на эти ассортименты! Подожду, пока «кооператоров» не выгонят.

Публикация этой статьи произведена в рамках программы «Исторический Механизм» И. Ильяшова. Шесть назад. Они и сейчас актуальны.